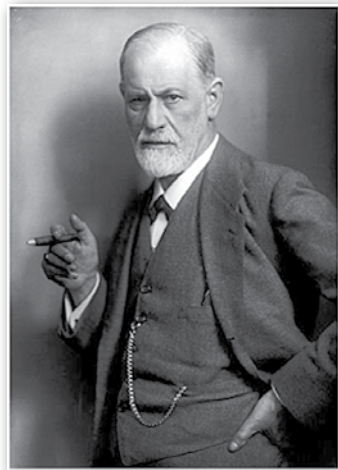

Із першоджерел

Зигмунд Фройд (до 160-річчя від дня народження)

Зигмунд Фройд, також **Зігмунд Фрейд** (нім. *Sigmund Freud*), повне ім'я **Сигізмунд Шломо Фрейд**: народився 6 травня 1856 р. у Фрайбурзі (нині Пржибор, Чехія), помер 23 вересня 1939 р. у Лондоні, австрійський невропатолог єврейського походження, психотерапевт, психолог, культуролог та філософ, засновник психоаналізу та фрейдизму, який майже усе своє життя вивчав людське несвідоме. Він розвинув методику вільних асоціацій і тлумачення сновидінь, яку було покладено в основу психоаналізу, сформулював концепцію структури психіки (Ід, Его та Суперего, або Воно, Я і Над-Я).

Зигмунд народився в єврейській сім'ї Якоба Фрейда та його другої дружини Амалії Натансон. Бабуся Фрейда по лінії матері була одеситкою, тому до 16 років Амалія Натансон виростала в Одесі, де проживали два її брати, а потім із батьками переїхала до Відня.

Протягом багатьох поколінь предки Фрейда мешкали в місті Бучач, що на Тернопільщині. До Тисмениці батько Якоба, Соломон Фрейд, переїхав заради продовження освіти. На відміну від свого сина, дідусь майбутнього віденського корифея залишився у Тисмениці назавжди. Батько З. Фрейда — Якоб Фрейд — народився 1815 року теж у місті Тисмениця Івано-Франківської області, ала провів там лише перші 25 років свого життя.

29 липня 1855 р. — у Відні був укладений шлюб батьків Зигмунда Фрейда — Якоба Фрейда й Амалії Натансон. Вона була другою (за деякими даними — третьою) дружиною Якоба Фрейда (18.12.1815-1896) — дрібного комерсанта, торговця вовною і сукном. Якобу йшов 40-й, Амалії — 19-й, вона була молодшою за обох синів Якоба від його попереднього шлюбу.

У статті «Моє життя й психоаналіз» Зигмунд писав: «Я народився 6 травня 1856 року у Фрайбергу в Моравії, маленькому містечку в нинішній Чехії. Мої батьки були євреями, і сам я залишаюся євреєм. Про моїх пред-

ків із батьківського боку я знаю, що вони колись мешкали в рейнських землях, у Кельні; у зв'язку з черговим переслідуванням євреїв у XIV або XV століттях сімейство перебралося на схід, а впродовж XIX століття воно перемістилося з Литви через Галичину до німецькомовних країн, до Австрії».

Фрейд займався невропатологією, а пізніше — лікуванням неврозів та істерії. Найвідоміші його твори — «Тлумачення сновидінь», «Вступ до психоаналізу» та «Майбутнє однієї ілюзії» — викликають бурхливі дискусії як у середовищі психіатрів, так і серед філософів й натеper.

Особистість Фрейда стала легендарною, його роботи одноставно визнаються новими віхами у світовій науці й культурі. Утім, рідко можна зустріти професійного філософа чи науковця, які б повністю погоджувалися з теоріями Фрейда. Його активно цитують, обговорюють і... здебільшого критикують. Згідно з домінуючою точкою зору, фрейдівські концепції є надто психологізованими та медикалізованими.

6 травня 2016 року виповнюється 160 років з дня народження засновника психоаналізу З. Фрейда. До цієї дати редакція «Журналу Неврології» друкує фрагмент тексту із роботи **З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни»** (1901-1904 гг.).

З. Фрейд ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ*

У. Обмолвки

Если обычный материал нашей разговорной речи на родном языке представляется огражденным от забывания, то тем более подвержен он другому расстройству, известному под названием «обмолвок». Явление это, наблюдаемое у здорового человека, производит впечатление переходной ступени к так называемой «парафазии», наступающей уже при патологических условиях.

В данном случае я имею возможность в виде исключения пользоваться (и воздать должное) предшествующей работой: в 1895 году Мерингер и К. Майер опубликовали работу под заглавием «Обмолвки и очитки»; точка зрения, с которой они разбирают вопрос, выходит за пределы моего рассмотрения. Ибо один из авторов, от имени которого и ведется изложение, — языковед и взялся за исследование с лингвистической точки зрения, желая найти правила, по которым совершаются обмолвки. Он надеялся, что на основании этих правил можно будет заключить о существовании «известного духовного механизма», «в котором звуки одного слова, одного предложения и даже отдельные слова связаны и сплетены между собой совершенно особенным образом» (S. 10).

Автор группирует собранные им примеры «обмолвок» сперва с точки зрения чисто описательной, разделяя их на: случаи перемещения (например: *Milo von Venus* вместо *Venus von Milo* [Милос из Венеры вместо Венера из Милоса]); предвосхищения или антиципации (например: *es war mir auf der Schwest... auf der Brust so schwer* [Мне было на сердце (досл.: на груди) так тяжело, но вместо *Brust* — грудь вначале было сказано *Schwest...*]); отзвуки или постпозиции (например: *Ich fordere Sie auf, auf das Wohl unseres Chefs aufzustoßen* вместо *anzustoßen* [«Я предлагаю вам отрыгнуть (вместо: чокнуться, т. е. выпить) за здоровье нашего шефа»]); контаминации (*Er setzt sich auf den Hinterkopf*, составленное из *Er setzt sich einen Kopf auf* и *Er stellt sich auf die Hinterbeine* [«Он садится на затылок»] (букв.: на «заднюю голову»), составлено из: «он стоит на своем» (упорствует) и «стал на дыбы» (в перен. смысле также «упорствует»)); замещения (*Ich gebe die Praparate in den Briefkasten* вместо *Brutkasten*

[«Я ставлю препараты в почтовый ящик» вместо «в термостат»]); к этим главным категориям надо добавить еще некоторые, менее существенные или менее важные для наших целей. Для этой группировки безразлично, подвергаются ли перестановке, искажению, слиянию и т. п. отдельные звуки слова, слоги или целые слова задуманной фразы.

Наблюдавшиеся им обмолвки Мерингер объясняет различием психической интенсивности произносимых звуков. Когда имеет место иннервация первого звука слова, первого слова фразы, тогда процесс возбуждения уже обращается к следующим звукам и следующим словам, и поскольку эти иннервации совпадают во времени, они могут взаимно влиять и видоизменять одна другую. Возбуждение психически более интенсивного звука предвдвывает прочие или, напротив, отзывается впоследствии и расстраивает таким образом более слабый иннервационный процесс. Вопрос сводится лишь к тому, чтобы установить, какие именно звуки являются в том или ином слове наиболее интенсивными. Мерингер говорит по этому поводу: «Для того чтобы установить, какой из звуков, составляющих слово, обладает наибольшей интенсивностью, достаточно наблюдать свои собственные переживания при отыскании какого-либо забытого слова, скажем, имени. То, что воскресает в памяти прежде всего, обладало во всяком случае наибольшей интенсивностью до забывания» (S. 160). «Высокой интенсивностью отличаются, таким образом, начальный звук корневого слога и начальный звук слова и, наконец, та или те гласные, на которые падает ударение» (S. 162).

Я не могу здесь воздержаться от одного возражения. Принадлежит ли начальный звук имени к наиболее интенсивным элементам слова или нет, во всяком случае неверно, что в случаях забывания слов он восстанавливается в сознании первым; указанное выше правило, таким образом, неприменимо. Когда наблюдаешь себя в поисках забытого имени, довольно часто возникает уверенность, что это имя начинается с такой-то буквы. Уверенность эта оказывается ошибочной столь же часто, как и имеющей основания. Я решился бы даже утверждать, что в большинстве случаев буква указывается неправильно. В нашем примере с Синьорелли начальный звук и существенные слоги исчезли в замещающих именах; и в имени Боттичелли воскресли в сознании как менее существенные слоги «eili». Как мало считаются замещающие имена с начальным звуком исчезнувшего име-

* Фрагмент печатается по книге З. Фрейда «Психология бессознательного». М., 1990.

ни, может показать хотя бы следующий пример. Как-то раз я тщетно старался вспомнить название той маленькой страны, столица которой Монте-Карло. Подставные имена гласили: Пьемонт, Албания, Монтевидео, Колико.

Албания была скоро заменена Черногорией (Montenegro), и тогда мне бросилось в глаза, что слог *монт* (произносится *мон*) имеется во всех замещающих именах, кроме одного лишь последнего. Это облегчило мне задачу, отправляясь от имени князя Альберта, найти забытое Монако. Колико приблизительно воспроизводит последовательность слогов и ритм забытого слова.

Если допустить, что психический механизм, подобный тому, какой мы показали в случаях забывания имен, играет роль и в случаях обмолвок, то мы будем на пути к более глубокому пониманию этого последнего явления. Расстройство речи, обнаруживающееся в форме обмолвки, может быть вызвано, во-первых, влиянием другой составной части той же речи — предвосхищением того, что следует впереди, или отзвуков сказанного, — или другой формулировкой в пределах той же фразы или той же мысли, которую собираешься высказать (сюда относятся все заимствованные у Мерингера и Майера примеры); но расстройство может произойти и путем, аналогичным тому процессу, какой наблюдается в примере Синьорелли: в силу влияний, посторонних данному слову, предложению, данной связи, влияний, идущих от элементов, которые высказывать не предполагалось и о возбуждении которых узнаешь только по вызванному ими расстройству. Одновременность возбуждения — вот то общее, что объединяет оба вида обмолвок, нахождение внутри или вне данного предложения или данной связи составляет пункт расхождения. На первый взгляд различие представляется не столь большим, каким оно оказывается затем с точки зрения некоторых выводов из симптоматики данного явления. Но совершенно ясно, что лишь в первом случае есть надежда на то, чтобы из феномена обмолвок можно было сделать выводы о существовании механизма, связывающего отдельные звуки и слова так, что они взаимно влияют на способ их артикуляции, т.е. выводы, на которые рассчитывал при изучении обмолвок лингвист. В случае нарушений, вызванных влияниями, стоящими вне данной фразы или связи речи, необходимо было бы прежде всего найти нарушающие элементы, а затем встал бы вопрос, не может ли механизм этого нарушения также обнаружить предполагаемые законы речеобразования.

Нельзя сказать, чтобы Мерингер и Майер не заметили возможности расстройства речи благодаря «сложным психическим влияниям» элементами, находящимися вне данного слова, предложения или их связи в речи. Они не могли не заметить, что теория психической неравноценности звуков, строго говоря, может удовлетворительно объяснить лишь как случаи нарушения в произношении отдельных звуков, так и предвосхищения и отзвуки. Так, где расстройство не ограничивается отдельными звуками, а простирается на целые слова, как это бывает при замещениях и контаминациях слов, там и они, не колеблясь, искали причину обмолвок вне задуманной связи речи и подтвердили это прекрасными примерами. Приведу следующие места.

(С. 62) «Р. рассказывает о вещах, которые он в глубине души считает свинством (Schweinerei). Он старается, однако, найти мягкую форму выражения и начинает: «Dann aber sind Tatsachen zum Vorschwein gekommen»¹. Мы с Майером были при этом, и Р. подтвердил, что он думал о «Schweineereien» (свинствах). То обстоятельство, что слово, о котором он подумал, выдало себя и вдруг прорвалось при произнесении *Vorschein*, достаточно объясняется сходством обоих слов».

(С. 73) «При замещениях, так же как и при контаминациях, но только, вероятно, в гораздо большей степени играют важную роль летучие или блуждающие речевые обороты. Если они и находятся за порогом сознания, то все же в действительной близости к нему, могут с легкостью вызываться каким-либо сходством с комплексом, подлежащим высказыванию, и тогда порождают «схождение с рельсов» или врезаются в связь речи. Летучие или блуждающие речевые обороты часто являются, как уже сказано, запоздалыми спутниками недавно протекших словесных процессов (отзвуки)».

(С. 97) «Схождение с рельсов» возможно также и благодаря сходству: когда другое, схожее слово лежит вблизи порога сознания, но не предназначено для произнесения. Это бывает при замещениях. Я надеюсь, что при проверке мои правила должны будут подтвердиться. Но для этого необходимо (если наблюдение производится над другим человеком) уяснить себе все, что только не передумал говорящий². Приведу поучительный пример. Директор училища Л. сказал в нашем обществе: «Die Frau

¹ Непереводимая игра слов: вместо *zum Vorschein gekommen*, что значит «обнаружилось» («и тогда обнаружилось факты»), слог *schein* заменен словом *schwein* — свинья. — Примеч. перев.

² Курсив мой.

wurde mir Furcht einlagen»³. Я удивился, так как 1 показалось мне здесь непонятным. Я позволил себе обратить внимание говорившего на его ошибку: «einlagen» вместо «einjagen», на что он тотчас же ответил: «Да, это произошло потому, что я думал: «Ich ware nicht in der Lage»» и т.д.⁴

«Другой случай. Я спрашиваю Р. ф. Ш., в каком положении его больная лошадь. Он отвечает: «Ja, das draut... dauert vielleicht noch einen Monat»⁵. Откуда взялось «draut» с его г, для меня было непонятно, ибо звук г из «dauert» не мог оказать такого действия. Я обратил на это внимание Р. ф. Ш., и он объяснил, что думал при этом: «Es ist eine traurige Geschichte»⁶. Говоривший имел, таким образом, в виду два ответа, и они смешались воедино».

Нельзя не заметить, как близко подходят к условиям наших «анализов» и то обстоятельство, что принимаются в расчет блуждающие речевые обороты, лежащие за порогом сознания и не предназначенные для произношения, и предписание осведомляться обо всем том, что думал говорящий. Мы тоже отыскиваем бессознательный материал и делаем это тем же путем, с той лишь разницей, что путь, которым мы идем от того, что приходит в голову спрашивающего, к отысканию расстраивающего элемента, — более длинный и ведет через комплексный ряд ассоциаций.

Остановлюсь еще на другом интересном обстоятельстве, о котором свидетельствуют примеры, приведенные у Мерингера. По мнению самого автора, сходство какого-либо слова в задуманном предложении с другим, не предполагавшимся к произнесению, дает этому последнему возможность путем искажения, смещения, компромиссного образования (контаминации) дойти до сознания данного субъекта:

Lagen dauert Vorschein

Jagen traurig schwein

В моей книге «Толкование сновидений»⁷ я показал, какую роль играет процесс сгущения в образовании так называемого явного содержания сновидения из скрытых (latent) его мыслей. Какое-либо сходство (вещественное или словесное) между двумя элементами бессознательного материала служит поводом для создания третьего — смешанного или компромиссного представления, которое в содержании сновидения представляет оба слагаемых

³ Вместо «Die Frau wurde mir Furcht einjagen» («эта женщина внушила бы мне страх»). — Примеч. перев.

⁴ «Я не был бы в состоянии».

⁵ «Да, это продлится, быть может, еще месяц».

⁶ «Это печальная история».

⁷ Die Traumdeutung, Leipzig und Wien, 1900.

и которое в силу этого своего происхождения и отличается так часто противоречивостью отдельных своих черт.

Образование замещений и контаминации при обмолвках и есть, таким образом, начало той работы сгущения, результаты которой мы обнаруживаем при построении сновидения.

В небольшой статье, предназначенной для широкого круга читателей («Neue Freie Presse» 23 авг. 1900 г.), Мерингер отмечает особое практическое значение некоторых случаев обмолвок — тех именно, когда какое-либо слово заменяется противоположным ему по смыслу. «Вероятно, все помнят еще, как некоторое время тому назад председатель австрийской палаты депутатов открыл заседание словами: «Уважаемое собрание! Я констатирую присутствие столько-то депутатов и объявляю заседание закрытым!» Общий смех обратил его внимание на ошибку, и он исправил ее. В данном случае это можно скорее всего объяснить тем, что председателю хотелось бы иметь возможность действительно закрыть заседание, от которого можно было ожидать мало хорошего; эта сторонняя мысль — что бывает часто — прорвалась хотя бы частично, и в результате получилось «закрытый» вместо «открытый» — прямая противоположность тому, что предполагалось сказать. Впрочем, многочисленные наблюдения показали мне, что противоположные слова вообще очень часто подставляются одно вместо другого; они вообще тесно сплетены друг с другом в нашем сознании, лежат в непосредственном соседстве одно с другим и легко произносятся по ошибке».

Не во всех случаях обмолвок по контрасту так легко показать, как в примере с председателем, вероятность того, что обмолвка произошла вследствие своего рода протеста, который заявляется в глубине души против высказывавшего предложения. Аналогичный механизм мы нашли, анализируя пример aliquis: там внутреннее противодействие выразилось в забывании слова вместо замещения его противоположным. Для устранения этого различия заметим, однако, что словечко aliquis не обладает таким антиподом, каким являются по отношению друг к другу слова «закрывать» и «открывать», и далее, что слово «открывать», как весьма общеупотребительное, не может быть позабыто.

Если последние примеры Мерингера и Майера показывают нам, что расстройство речи может происходить как под влиянием звуков и слов той же фразы, предназначенных для произнесения, так и под воздействием слов,

которые находятся за пределами задуманной фразы и иным способом не обнаружили бы себя, — то перед нами возникает прежде всего вопрос, возможно ли резко разграничить оба эти вида обмолвок и как отличить случаи одной категории от другой. Здесь уместно вспомнить о словах Вундта, который в своей только что вышедшей в свет работе о законах развития языка (Volkerpsychologie, T. I, Teil I, S. 371 и ff., 1900) рассматривает также и феномен обмолвок. Что, по мнению Вундта, никогда не отсутствует в этих явлениях и других, им родственных, — это известные психические влияния. «Сюда относится, прежде всего, как положительное условие, ничем не стесняемое течение звуковых и словесных ассоциаций, вызванных произнесенными звуками. В качестве отрицательного фактора к нему присоединяется выпадение или ослабление воздействий воли, стесняющих это течение, и внимания, также выступающего здесь в качестве волевой функции. Проявляется ли эта игра ассоциаций в том, что предвосхищается предстоящий еще звук, или же репродуцируется произнесенный, или между другими какой-либо посторонний, но привычный, или в том, наконец, что на произносимые звуки оказывают свое действие совершенно иные слова, находящиеся с ними в ассоциативной связи, — все это означает лишь различия в направлении и, конечно, различия в том, какой свободой пользуются возникающие ассоциации, но не в их общей природе. И во многих случаях трудно решить, к какой форме причислить данное расстройство и не следует ли с большим основанием, следуя принципу сочетания причин⁸, отнести его за счет совпадения нескольких мотивов» (с. 380, 281).

Я считаю замечания Вундта вполне основательными и чрезвычайно поучительными. Быть может, можно было бы с большей решительностью, чем это делает Вундт, подчеркнуть, что оказывающий позитивное влияние фактор в словесных ошибках — беспрепятственное течение ассоциаций и негативный фактор — ослабление сдерживающего его внимания действуют всегда совместно, так что оба фактора оказываются лишь различными сторонами одного и того же процесса. С ослаблением сдерживающего внимания и приходит в действие беспрепятственное течение ассоциаций — или, выражаясь еще категоричнее: благодаря этому ослаблению.

Среди примеров обмолвок, собранных мною, я почти не нахожу таких, где расстройство речи сводилось бы исключительно к тому,

⁸ Курсив мой.

что Вундт называет «действием контакта звуков». Почти в каждом случае я нахожу еще и расстраивающее влияние чего-либо, находящегося вне пределов предполагаемой речи; и это «что-то» есть либо отдельная, оставшаяся бессознательной мысль, дающая о себе знать посредством обмолвки и нередко лишь при помощи тщательного анализа могущая быть доведенной до сознания, или же это более общий психический мотив, направленный против всей речи в целом.

Пример: а) Я хочу процитировать моей дочери, которая, кусая яблоко, состроила гримасу:

Der Affe gar possierlich ist,
Zumal wenn er vom Apfet frißt⁹.

Но начинаю: «Der Apfe...» По-видимому, это можно рассматривать как контаминацию, компромисс между словами Affe (обезьяна) и Apfel (яблоко), или же как антиципацию последующего Apfel. В действительности же положение дела таково. Я уже однажды приводил эту цитату и при этом не обмолвился. Обмолвка произошла лишь при повторении цитаты; повторить же пришлось потому, что дочь моя, занятая другим, не слушала. Это-то повторение и связанное с ним нетерпение, желание отделаться от этой фразы и надо также засчитать в число мотивов моей обмолвки, выступающей в форме процесса сгущения.

б) Моя дочь говорит: «Ich schreibe der Frau Schresinger». («Я пишу г-же Шрезингер»). Фамилия этой дамы на самом деле Шлезингер. Эта ошибка, конечно, находится в связи с тенденцией к облегчению артикуляции, так как после нескольких звуков «р» трудно произнести «л». Однако я должен прибавить, что эта обмолвка случилась у моей дочери через несколько минут после того, как я сказал Apfe вместо Affe. Обмолвки же в высокой степени заразительны, так же как и забывание имен, по отношению к которому эта особенность отмечена у Мерингера и Майера. Причину этой психической заразительности я затрудняюсь указать.

в) Пациентка говорит мне в самом начале визита: «Ich klappe zusammen, wie ein Tassenmescher — Taschenmesser¹⁰». Звуки перепутаны, и это может быть опять-таки оправдано трудностью артикуляции¹¹. Но когда ей была указана ошибка, она, не задумываясь, ответила: «Это потому, что вы сегодня сказали

⁹ Обезьяна очень смешна, особенно когда она ест яблоко.

¹⁰ «Я складываюсь, как перочинный ножик».

¹¹ Ср. «Шла Саша по шоссе и сосала сушку» и аналогичные скороговорки.

Ernscht» вместо Ernst — «серьезно»). Я действительно встретил ее фразой, в которой в шутку искажил это слово. Во все время приема она постоянно делает обмолвки, и я замечаю, конечно, что она не только имитирует меня, но имеет еще и особое основание в своем бессознательном останавливаться на имени «Эрнст»¹².

г) Та же пациентка в другой раз совершает такую обмолвку: «Ich bin so verschnupft, ich kann nicht durch die Ase natmen»¹³. Она тотчас же отдает себе отчет в том, откуда эта ошибка. «Я каждый день сажусь в трамвай в Hasenauergasse, и сегодня утром, когда я ждала трамвая, мне пришло в голову, что если бы я была француженкой, я выговаривала бы название улицы Asepaue, потому что французы пропускают звук h в начале слова». Далее она сообщает целый ряд воспоминаний о французах, с которыми она была знакома, и в результате длинного обходного пути приходит к воспоминанию о том, что 14-летней девочкой она играла в пьеске «Kugmarker und Picarde» роль Пикарды и говорила тогда на ломаном немецком языке. В тот дом, где она жила, приехал теперь гость из Парижа, — случайность, которая и вызвала весь этот ряд воспоминаний. Перестановка звуков была, таким образом, вызвана вмешательством бессознательной мысли, совершенно не связанной с тем, о чем шла речь.

д) Аналогичен механизм обмолвки у другой пациентки, которой вдруг изменяет память в то время, как она рассказывает о давно забытом воспоминании детства. Она не может припомнить, за какое место схватила ее нескромно и похотливо чья-то рука. Непосредственно вслед за этим она приходит в гости к своей подруге и разговоривает с ней о дачах. Ее спрашивают, где находится ее домик в М., и она отвечает: «An der Berglende» вместо — Berglehne¹⁴.

е) Другая пациентка, которую я спрашиваю по окончании приема, как здоровье ее дяди, отвечает: «Не знаю, я вижу его теперь только in flagranti»¹⁵. На следующий день она начинает:

«Мне было очень стыдно, что я вам так глупо ответила. Вы, конечно, должны были

счесть меня совершенно необразованным человеком, постоянно путающим иностранные слова. Я хотела сказать «en passant»¹⁶. Тогда мы еще не знали, откуда она взяла неправильно употребленное иностранное слово. Но в тот же день она сообщила, продолжая разговор, о вчерашнем воспоминании, в котором главную роль играла поимка с поличным — in flagranti. Ошибка прошлого дня, таким образом, предвосхитила бессознательное в то время воспоминание.

ж) Относительно другой пациентки мне пришлось в ходе анализа высказать предположение, что в то время, о котором у нас шел разговор, она стыдилась своей семьи и сделала своему отцу упрек, нам еще неизвестный. Она ничего такого не помнит и считает это вообще неправдоподобным. Разговор о ее семье, однако, продолжается, и она делает такое замечание: «Одно нужно за ними признать: это все-таки необычные люди: sie haben alle Geiz...»¹⁷ Я хотела сказать: Geist»¹⁸. И таков был действительно тот упрек, который она вытеснила из своей памяти. Что при обмолвке прорывается как раз та идея, которую хотелось бы подавить, — явление общее (ср. случай Мерингера: Vorschwein). Разница лишь в том, что у Мерингера говоривший субъект хотел подавить нечто известное ему, в то время как моя пациентка не сознает подавляемого, или, выражаясь иначе, не знает, что она нечто подавляет и что именно она подавляет.

з) «Если вы хотите купить ковры, идите к Кауфману в Матеусгассе. Я думаю, что смогу вас там отрекомендовать», — говорит мне одна дама. Я повторяю: «Стало быть, у Матеуса... Я хотел сказать — у Кауфмана». На первый взгляд это простая рассеянность: я поставил одно имя на место другого. Под влиянием того, что мне говорила дама, я действительно проявил некоторую рассеянность, так как она направила мое внимание на нечто другое, что было для меня несравненно важнее, чем ковры. В Матеусгассе находится дом, в котором жила моя жена, когда она еще была моей невестой. Вход в дом был с другой улицы, и теперь я заметил, что название этой последней я забыл; восстановить его приходится окольным путем. Имя Матеуса, на котором я остановился, послужило мне заместителем позабытого названия улицы. Оно более пригодно для этого, чем имя Кауфмана, так как употребляется только для обозначения лица — в противополо-

¹² Она находилась, как это выяснилось, под влиянием бессознательной мысли о беременности и предупреждении родов. Словами о перочинном ноже, которыми она сознательно выразила жалобу, она хотела описать положение ребенка в утробе матери. Слово ernst в моем обращении напомнило ей фамилию (S. Ernst) главы известной венской фирмы, анонсирующей продажу предохранительных средств против беременности.

¹³ Вместо Nase atmen — «У меня такой насморк, что я не могу дышать носом».

¹⁴ Lende — бедро; Berglehne — склон горы.

¹⁵ На месте преступления, с поличным.

¹⁶ Мимоходом, мельком.

¹⁷ У них у всех скупость.

¹⁸ Дух, ум.

ложность слову Кауфман (Kaufmann — купец); забытая же улица названа также по имени лица — Радецкого.

и) Следующий случай я мог бы отнести к рубрике «ошибок-заблуждений» (Irrtumer), о которых будет речь ниже; привожу его, однако, здесь потому, что звуковые соотношения, на основе которых произошло замещение слов, выступают в нем с особенной наглядностью. Пациентка рассказывает мне свой сон. Ребенок решил покончить с собой посредством укуса змеи; он приводит это в исполнение, она видит, как он бьется в судорогах, и т.д. Предлагаю ей найти повод для этого сна в том, что она пережила накануне. Она тотчас же вспоминает, что вчера вечером слушала популярную лекцию об оказании первой помощи при змеином укусе. Если укушены одновременно ребенок и взрослый, то прежде всего надо оказать помощь ребенку. Она вспоминает также, какие указания дал лектор о мерах, которые надо принять. Многое зависит от того, сказал он, какой породы укусившая змея. Я перебиваю ее и спрашиваю: не говорил ли он о том, что в наших краях очень мало ядовитых пород и каких именно следует опасаться? «Да, он назвал гремучую змею (Klapperschlange)». Я улыбаюсь, и она замечает, что сказала что-то не так. Однако она исправляет не название, а берет все свое заявление обратно: «Да такой ведь у нас нет; он говорил о гадюке. Каким образом пришла мне на ум гремучая змея?» Я подозревал, что это произошло вследствие примешавшихся сюда мыслей, скрытых за ее сном. Самоубийство посредством змеиного укуса может вряд ли иметь другой смысл, как указание на Клеопатру. Значительное звуковое сходство обоих слов (Kleopatra и Klapperschlange), совпадение букв kl... p... г, следующих в одном и том же порядке, и повторение той же буквы а с падающим на нее ударением было совершенно очевидно. Связь между именами Klapperschlange и Kleopatra на минуту снижает способность суждения моей пациентки, и благодаря этому утверждение, будто лектор поучал венскую публику о том, какие меры принимать при укусе гремучей змеи, не показалось ей странным. Вообще же она знает столь же хорошо, как и я, что гремучие змеи у нас не водятся. Если она и перенесла, не задумываясь, гремучую змею в Египет, то это вполне простительно, ибо мы привыкли сваливать все внеевропейское, экзотическое в одну кучу, и я сам тоже должен был на минуту призадуматься, прежде чем установить, что гремучая змея встречается только в Новом Свете.

Дальнейшие подтверждения мы встречаем при продолжении анализа. Моя пациентка всего лишь накануне осмотрела выставленную недалеко от ее квартиры скульптуру Штрассера «Антоний». Это был второй повод для ее сновидения (первый — лекция о змеиных укусах). Далее во сне она укачивала на руках ребенка, и по поводу этой сцены ей вспомнилась Маргарита из «Фауста». Далее у нее возникли воспоминания об «Арриасе и Мессалине». Это обилие имен из драматических произведений заставляет предполагать, что пациентка в прежние годы тайно мечтала об артистической карьере. И начало сновидения, будто ребенок решил покончить с собой посредством укуса змеи, поистине должно означать: ребенком она собиралась стать знаменитой актрисой. Наконец, от имени Мессалины ответвляется ход мыслей, ведущий к основному содержанию сновидения. Некоторые происшествия последнего времени породили в ней беспокойство, что ее единственный брат вступит в неподходящий для него брак с неарийкой, т. е. допустит mesalliance (мезальянс).

к) Хочу привести здесь совершенно невинный — или, быть может, недостаточно выясненный в своих мотивах — пример, обнаруживающий весьма прозрачный механизм.

Путешествующий по Италии немец нуждается в ремне, чтобы обвязать сломавшийся чемодан. Из словаря он узнает, что ремень по-итальянски соггегия. «Это слово нетрудно запомнить, — думает он, — стоит мне подумать о художнике Корреджио». Он идет в лавку и просит una fibega.

По-видимому, ему не удалось заместить в своей памяти немецкое слово итальянским, но все же старания его не были совершенно безуспешны. Он знал, что надо иметь в виду имя художника, но вспомнилось ему не то имя, с которым связано искомое итальянское слово, а то, которое приближается к немецкому слову Riemen (ремень). Этот пример может быть, конечно, отнесен в той же мере к категории забывания имен, как и к обмолвкам.

Собирая материал об обмолвках для первого издания этой книги, я придерживался правила подвергать анализу все случаи, какие только приходилось наблюдать, даже и менее выразительные. С тех пор занимательную работу собирания и анализа обмолвок взяли на себя другие, и я могу теперь черпать из более богатого материала.

л) Молодой человек говорит своей сестре: «С семейством Д. я окончательно рассорился;

я уже не раскланиваюсь с ними». Она отвечает: «*Überhaupt eine saubere Lipp schaft*» — вместо *Sipp – schaft* (вообще «чистенькая семейка»); в ошибке этой выражены две вещи: во-первых, брат ее когда-то начал флирт с одной девицей из этой семьи, во-вторых, про эту девицу рассказывали, что в последнее время она завела серьезную и непозволительную любовную связь (*Lieb schaft*).

м) Целый ряд примеров я заимствую у моего коллеги д-ра В. Штекеля из статьи в «*Berliner Tageblatt*» от 4 января 1904 года под заглавием «*Unbewusste Gestandnisse*» («Бессознательные признания»).

«Неприятную шутку, которую сыграли со мной мои бессознательные мысли, раскрывает следующий пример. Должен предупредить, что в качестве врача я никогда не руководюсь соображениями заработка и — что разумеется само собой — имею всегда в виду лишь интересы больного. Я пользуюсь больной, которая пережила тяжелую болезнь и ныне выздоравливает. Мы провели ряд тяжелых дней и ночей. Я рад, что ей лучше, рисую ей прелести предстоящего пребывания в Аббации и прибавляю: «Если вы, на что я надеюсь, не скоро встанете с постели». Причина этой обмолвки, очевидно, эгоистический бессознательный мотив — желание дольше лечить эту богатую больную, желание, которое совершенно чуждо моему сознанию и которое я отверг бы с негодованием».

н) Другой пример (д-р В. Штекель). «Моя жена нанимает на послеобеденное время француженку и, столковавшись с ней об условиях, хочет сохранить у себя ее рекомендации. Француженка просит оставить их у нее и мотивирует это так: «*Je cherche encore pour les apres-midi, pardon, les avants-midi*»¹⁹. Очевидно, у нее есть намерение посмотреть еще, не найдет ли она место на лучших условиях, — намерение, которое она действительно выполнила».

о) (Д-р Штекель). «Я читаю одной даме вслух книгу Левит, и муж ее, по просьбе которого я это делаю, стоит за дверью и слушает. По окончании моей проповеди, которая произвела заметное впечатление, я говорю: «До свидания, месье». Посвященный человек мог бы узнать отсюда, что мои слова были обращены к мужу и что говорил я ради него».

п) Д-р Штекель рассказывает о себе самом: одно время он имел двух пациентов из Триеста, и, здороваясь с ними, он постоянно путал

их фамилии. «Здравствуйте, г-н Пелони», — говорил он, обращаясь к Асколи, и наоборот. На первых порах он не был склонен приписывать этой ошибке более глубокую мотивировку и объяснял ее рядом общих черт, имевшихся у обоих пациентов. Он легко убедился, однако, что перепутывание имен объяснялось здесь своего рода хвастовством, желанием показать каждому из этих двух итальянцев, что не один лишь он приехал к нему из Триеста за медицинской помощью.

р) Сам д-р Штекель говорит в бурном собрании: «*Wir stezeiten (schreiten) nun zu Punkt 4 der Tagesordnung*» («Мы спорим (вместо «переходим») к 4-му пункту повестки дня»).

с) Некий профессор говорит на вступительной лекции: «*Ich bin nicht geneigt (geeignet), die Verdienste meines sehr geschätzten Vorgangers zu schildern*» («Я не склонен (вместо «не считаю себя способным») говорить о заслугах моего уважаемого предшественника»).

т) Д-р Штекель говорит даме, у которой предполагает базедову болезнь: «*Sie sind um einen Kropf (Kopf) größer als ihre Schwester*» («Вы зобом (вместо «головой») выше вашей сестры»). При психотерапевтических приемах, которыми я пользуюсь для разрешения и устранения невротических симптомов, очень часто встает задача: проследить в случайных на первый взгляд речах и словах пациента тот круг мыслей, который стремится скрыть себя, но все же нечаянно, самыми различными путями выдает себя. При этом обмолвки служат зачастую весьма ценную службу, как я мог бы показать на самых убедительных и вместе с тем причудливых примерах. Пациентка говорит, например, о своей тетке и неуклонно называет ее, не замечая своей обмолвки, «моя мать» или своего мужа «мой брат». Этим она обращает мое внимание на то, что она отождествила этих лиц, поместила их в один ряд, означающий для ее эмоциональной жизни повторение того же типа. Или: молодой человек 20 лет представляется мне на приеме следующим образом: «я отец NN, которого вы лечили? — простите, я хотел сказать: брат; он на четыре года старше меня». Я понимаю, что этой своей обмолвкой он хочет сказать, что он, так же как и его брат, заболел по вине отца, как и брат, нуждается в лечении, но что нужнее всего лечение — отцу. Иной раз достаточно непривычно звучащего словосочетания, некоторой натянутости выражения, чтобы обнаружить участие вытесненной мысли в иначе мотивированной речи пациента.

¹⁹ «Я ищу еще место на послеобеденное, pardon, на дообеденное время».

Как в грубых, так и в более тонких погрешностях речи, которые еще можно отнести к ряду обмолвок, фактором, обуславливающим возникновение ошибки и достаточно объясняющим ее, я считаю не взаимодействие приходящих в контакт звуков, а влияние мыслей, лежащих за пределами речевого намерения. Сами по себе законы, в силу которых звуки видоизменяют друг друга, не подвергаются мной сомнению; мне только кажется, что их действия недостаточно для того, чтобы нарушить правильное течение речи. В тех случаях, которые я тщательно изучил и понял, они представляют собой лишь готовый механизм, которым с удобством пользуется более отдаленный психический мотив, не ограничивая себя, однако, пределами его влияния. В целом ряде замещений эти звуковые законы не играют при обмолвках никакой роли. В этом мои взгляды вполне совпадают с мнением Вундта, который также предполагает, что условия, определяющие обмолвки, сложны и выходят далеко за пределы простого взаимодействия звуков.

Считая прочно установленными эти, по выражению Вундта, «отдаленные психические влияния», я, с другой стороны, не вижу основания отрицать, что при ускорении речи и некотором отклонении внимания условия обмолвок могут легко вписаться в те границы, которые установлены Мерингером и Майером. Но, конечно, в некоторой части собранных этими авторами примеров более сложное объяснение скорее соответствует истине.

Возьму хотя бы приведенный уже случай: «Es war mir auf der Schwest ... Brust so schwer».

Так ли просто обстоит здесь дело, что *schwe* вытесняет здесь равно интенсивный слог *В* и путем «предвосхищения»? Вряд ли можно отрицать, что звуки *schwe* оказались способны к этому «выступлению» еще и благодаря особой связи. Такой связью могла быть только одна ассоциация: *Schwester* — *Bruder* (сестра — брат), или разве еще; *Brust der Schwester* (грудь сестры), ассоциация, ведущая к другим кругам мыслей. Этот невидимый, находящийся за сценой пособник и сообщает невинному *schwe* ту силу, успешное действие которой и проявляется в обмолвке.

При иных обмолвках приходится допустить, что собственно помехой является в них созвучие с неприличными словами и вещами. Преднамеренное искажение и коверкание слов и выражений, столь излюбленное дурно воспитанными людьми, имеет целью не что

другое, как, пользуясь невинным предлогом, напомнить о предосудительных вещах, и эта манера забавляться встречается так часто, что не удивительно, если она прокладывает себе дорогу бессознательно и против воли. К этой категории можно отнести целый ряд примеров: *Eischeißweibchen* вместо *Eiweißscheibchen* («гносная бабенка» вместо «белковая пластинка»); *Aporos* вместо *Aproros* («по заду» вместо «кстати»), *Lokuskapital* вместо *Lotuskapital* («капитель в виде клозета» вместо «капитель в виде лотоса»), быть может, также *Alabusterbachse* (*Alabasterbuchse*) («алебюстовые Бахусы» вместо «алебастровая кружка») святой Магдалины²⁰. «*Ich fordere Sie auf, auf das Wohl unseres Chefs aufzustoßen*» — вместо *anzustoßen* («Предлагаю вам отрыгнуть за здоровье нашего шефа» вместо «чокнуться») — вряд ли что-нибудь иное, как ненамеренная пародия, возникшая как отзвук намеренной.

На месте того шефа, в честь которого был сказан этот тост, я подумал бы о том, как умно поступали римляне, позволяя солдатам триумфатора громко, в шуточных песнях выражать свой внутренний протест против чествуемого. Мерингер рассказывает, как он сам обратился раз к старшему в обществе лицу, которое называли обыкновенно фамильярным прозвищем *Senexl* или *alter Senexl*, со словами «*Prost²¹, Senex altes!*» Он сам испугался этой ошибки. Быть может, нам станет понятен его аффект, если мы вспомним, как близко слово *altes!* к ругательству *alter Esel* («старый осел»). Неуважение к старости (в детстве — неуважение к отцу) влечет за собой суровую внутреннюю кару.

Я надеюсь, что читатели не упустят из виду различия в значимости этих ничем не доказуемых объяснений и тех примеров, которые я сам собрал и подверг анализу. Но если я все же в глубине души продолжаю ожидать, что даже простые на вид случаи обмолвок можно будет свести к расстраивающему воздействию полуподавленной идеи, лежащей вне предназначенной для высказывания связи, то к этому побуждает меня одно весьма ценное замечание Мерингера. Этот автор говорит: замечательно, что никто не хочет признать, что он обмолвился. Встречаются весьма разумные и честные люди, которые обижаются, если сказать им, что они обмолвились. Я не решился бы выразить это утверждение в та-

²⁰ У одной из моих пациенток симптоматические обмолвки продолжались до тех пор, пока их не удалось свести к детской шутке: замене *guinieren* словом *urinieren* (вместо «разорять» — «испускать мочу»).

²¹ За ваше здоровье.

кой общей форме, как Мерингер («никто...»). Но тот след аффекта, который остается при обнаружении обмолвки и по своей природе, очевидно, аналогичен стыду, не лишен значения. Его можно поставить на одну доску с тем чувством досады, которое мы испытываем, когда нам не удается вспомнить забытое имя, или с тем удивлением, с каким мы встречаем сохранившееся у нас в памяти несущественное на первый взгляд воспоминание; аффект этот каждый раз свидетельствует о том, что в возникновении расстройства ту или иную роль сыграл какой-либо мотив.

Когда искажение имен прodelывается нарочно, оно равносильно некоторого рода пренебрежению: то же значение оно имеет, надо думать, и в целом ряде случаев, когда оно выступает в виде ненамеренной обмолвки. Лицо, которое, по словам Майера, сказало раз Freuder вместо Freud в силу того, что за этим следовало имя Freuer, а другой раз заговорило о Freuer-Freud'овском методе (S. 381), наверное, принадлежало к числу коллег по профессии и, надо полагать, было не особенно восхищено этим методом. Другой случай искажения имен, наверное, не поддающийся иному объяснению, я приведу ниже в главе об описках²². В этих случаях в качестве расстраивающего момента врывается критика, которую говорящему приходится опустить, так как в данную именно минуту она не отвечает его намерениям.

В других случаях — гораздо более значительных — к обмолвке и даже к замене задуманного слова прямой его противоположностью вынуждает самокритика, внутренний протест против собственных слов. В таких случаях с удивлением замечаешь, как измененный таким образом текст какого-либо уверения парализует его силу и ошибка в речи вскрывает неискренность сказанного²³. Обмолвка становится здесь мимическим орудием выражения — нередко, правда, таким орудием, которым выражаешь то, чего не хотелось сказать, которым выдаешь самого себя. Когда, например, человек, который в своих отношениях к женщине не питает склонности к так называемым нормальным сношениям, вмешивается в разговор о девушке, известной своим кокетством, со словами: «Im Umgang mit mir wurde sie sich das Koettieren

schon abgewohnen» (вместо Kokettieren — «со мной она бы уже отвыкла от кокетства»), то несомненно, что только влиянию слова koitieren (от coitus) и можно приписать такое изменение предполагаемого Kokettieren.

Случайно складывающиеся удачные комбинации слов дают примеры обмолвок, играющие роль прямо-таки убийственных разоблачений, а иной раз производящие прямо-таки комический эффект.

Таков, например, случай, наблюдавшийся и сообщенный доктором Рейтлером. Одна дама говорит другой восхищенным тоном:

«Diesen neuen reizenden Hut haben Sie wohl sich selbst aufgepatzt?» («Эту прелестную новую шляпу вы, вероятно, сами обделали (вместо «отделали» — aufgeputzt)?») Задуманную похвалу пришлось прервать, ибо тайная критическая мысль о том, что «украшение шляпы» (Hut aufputz). — просто нашлепка (Patzerei), выразилась в досадной обмолвке слишком ясно, чтобы приличествующее случаю выражение восторга могло еще быть принято всерьез.

Или следующий случай, который наблюдал доктор Макс Граф:

«В общем собрании общества журналистов «Конкордия» молодой член общества, постоянно нуждающийся в деньгах, держит резко оппозиционную речь и в возбуждении говорит: «Die Herren Vorschußmitglieder» (вместо Vorstands- или Ausschußmitglieder — члены правления; Vorschü? — ссуда). Члены правления уполномочены выдавать ссуды, и от молодого оратора уже поступило прошение о ссуде».

Курьезное впечатление производит обмолвка в том случае, когда она подтверждает что-либо, что пациент оспаривает и что было бы желательно установить врачу в его психоаналитической работе. У одного из моих пациентов мне случилось раз заняться истолкованием сновидения, в котором встречалось имя Jauner. Пациент знал лицо, носящее такое имя, но почему оно оказалось в связи данного сновидения, невозможно было найти, и я решился на предположение, не было ли это вызвано сходством данного имени с бранным словом Gauner (мошенник). Пациент поспешно и энергично запротестовал, но при этом опять обмолвился и этой обмолвкой только подтвердил мое предположение, так как произвел вторично ту же самую замену звуков. Его ответ гласил: «Das erscheint mir doch zu jewagt» — вместо gewagt («Мне кажется это слишком рискованным»). Когда я обратил его внимание на эту обмолвку, он согласился с моим толкованием.

²² Можно заметить также, что как раз аристократы особенно часто путают имена врачей, к которым они обращались; отсюда можно заключить, что, несмотря на обычно проявляемую ими вежливость, они относятся к врачам пренебрежительно.

²³ При помощи такого рода обмолвки клеймит, например, Анценгрубер в своем «Черве совести» лицемера, домогающегося наследства.

Когда такого рода обмолвка, превращающая задуманное в его прямую противоположность, случается в серьезном споре, это тотчас же понижает шансы спорящего, и противник редко упускает случай использовать улучшившуюся для него ситуацию.

Прекрасный пример обмолвки, имеющей целью не столько выдать самого говорящего, сколько послужить ориентиром для постороннего слушателя, мы находим в шиллеровском «Валленштейне» («Пикколомини», действие 1, явление 5); она показывает нам, что поэт, употребивший это средство, хорошо знал механизм и смысл обмолвок. Макс Пикколомини в предыдущей сцене горячо выступает в защиту герцога и восторженно говорит о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь Валленштейна в лагерь. Он оставляет своего отца и посланника двора Квестенберга в полном недоумении. И затем 5 явление продолжается так:

Квестенберг: О горе нам! Вот до чего дошло!

Друг, неужели в этом заблужденье
Дадим ему уйти, не позовем
Сейчас назад, и здесь же не откроем
Ему глаза?

Октавио (возвращаясь из глубокой задумчивости).

Мне он открыл глаза.
И то, что я увидел, — не отрадно.
Квестенберг: Что ж это, друг?
Октавио: Будь проклята поездка.
Квестенберг: Как? Почему?
Октавио: Идемте! Должен я
Немедленно ход злополучный дела
Сам проследить, увидеть сам... Идемте!
(Хочет его вести.)

Квестенберг: Зачем? Куда? Да объясните!

Октавио (поспешно): К ней!

Квестенберг: К ней?

Октавио (поправляется):

К герцогу! Идем²⁴.

Эта маленькая обмолвка «к ней» вместо «к нему» должна показать нам, что отец прозрел мотив пристрастности сына, в то время как придворный жалуется, что «он говорит с ним сплошь загадками».

Изложенный здесь взгляд на обмолвки выдерживает испытание даже на мельчайших примерах. Я неоднократно имел возможность показать, что самые незначительные и самые естественные случаи обмолвок имеют свое основание и допускают ту же разгадку,

что и другие, более бьющие в глаза примеры. Пациентка, которая вопреки моему желанию, упорствуя в своем намерении, решается предпринять кратковременную поездку в Будапешт, оправдывается передо мной тем, что ведь она едет всего на три дня; но оговаривается и говорит: всего на три недели. Отсюда ясно, что она предпочла бы назло мне остаться вместо трех дней на три недели в обществе, которое я считаю для нее неподходящим.

Раз вечером я хочу оправдать себя в том, что не зашел за женой в театр, и говорю: я был 10 минут 11-го (10 minuten nach 10 Uhr) у театра. Меня поправляют: ты хочешь сказать — без десяти десять (10 minuten vor 10 Uhr). Разумеется, я хотел сказать: без десяти десять. Ибо 10 минут 11-го — это уже не было бы оправданием. Мне сказали, что на афише было обозначено: окончание в исходе 10-го часа. Когда я подошел к театру, в вестибюле было уже темно, театр — пуст. Спектакль, очевидно, кончился раньше, и жена не ждала меня. Когда я посмотрел на часы, было без пяти десять. Я решил, однако, изобразить дома дело в более благоприятном виде и сказать, что было без десяти десять. Обмолвка испортила все дело и вскрыла мою неискренность: она заставила меня признать больше, чем это даже требовалось.

Мы подходим здесь к тем видам нарушенной речи, которые уже нельзя отнести к обмолвкам, так как они искажают не отдельное слово, а общий ритм и изложение; таково бормотание и заикание от смущения. Но и здесь в нарушении речи сказывается внутренний конфликт. Я положительно не верю, чтобы кто-нибудь мог обмолвиться на аудиенции у государя, или при серьезном объяснении в любви, или в защитительной речи перед судом присяжных, когда дело идет о чести и добром имени, — словом, во всех тех случаях, когда, по меткому немецкому выражению, человек «весь присутствует». Даже при оценке стиля писателя мы имеем все основания — и привыкли к этому — руководствоваться тем же принципом, без которого мы не можем обойтись при выяснении отдельных погрешностей речи. Ясная и недвусмысленная манера писать показывает нам, что и мысль автора здесь ясна и уверена, и там, где мы встречаем вымученные, вычурные выражения, пытающиеся сказать несколько вещей сразу, мы можем заметить влияние недостаточно продуманной, осложняющей мысли или же заглушенный голос самокритики.

²⁴ Русский перевод А. Толстого.